

**Анатолий
Смирнов**

Здесь и Там

**Стихотворения
Поэма**

Ярославль
ИД «Печать»
2013

УДК 82-1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-44
С 50

С 50 Анатолий Смирнов. Здесь и Там:
Стихотворения. Поэма. – Ярославль:
Издательский дом «Печать», 2013. – 104 с.

ISBN 978-5-9902576-5-8

В этой книге автор пытается найти точки соприкосновения между реальностью обыденной жизни и метареальностью мира, за которыми открывается путь к основным ценностям человеческого бытия.

ISBN 978-5-9902576-5-8

© Смирнов А. П., 2013
© Издательский дом «Печать», 2013

Стихотворения

1

* * *

Где в плоть и в кровь я пал душой летучей?
В дубраве ль у днепровских берегов,
над коей грозовеющие тучи
качала кость велесовых рогов?

В лачуге ль над сверлящей синью Тибра,
в столице императорских забот,
где кровью гладиаторские игры
всласть тешили воинственный народ?

Иль в хижине средь рисовой долины
у жёлтой умудряющей реки,
где лотосы в сияньи лебедином
расправили по водам лепестки?

А может, под колёсный скрип кибиток,
вздымающих в простор степную пыль,

душе оставив вольности избыток,
заплёл её из вечности ковыль?..

Где впала в плоть душа?.. Она не в силах
узреть исток земных своих времён.
Спят пращуры в неведомых могилах,
потеряны алмазы их имён.

И в мире вызывающе-суровом,
которым невозможно пренебречь,
понятно в ней одно начало – слово,
метафорами рвущаяся речь!

ЧИТАЯ ГОМЕРА

1

Над кибервеком наукообразным,
где знания валун несчисленный Сизиф
всё катит, возвышается ужасный
гомеровский непостижимый миф.

Особенно и вслушиваться не надо
в эфир молвы, чтобы дошло до лба,
что и сегодня ревностью Паллады
изломана, как бурей вишни сада,
любой прекрасной женщины судьба.

2

Дики Эллады древней боги:
не благородны, не святы;
их жгут и мучат, как изжоги,
страстей заботы и мечты.

Зевес ленив, Афина злобна,
над Аполлоном чёрный нимб...
С улыбкой не богоподобный
поэт взирает на Олимп.

Жена Итаки светом ясным
своей души красна с лица,
а боги телом лишь прекрасны,
как тени тайного Творца.

АВГУСТ И ОВИДИЙ

«Дана мне власть над городом всемирным
пурпурной тогой, золотом венца,
и полчище певцов в бряцаньи лирном
звенит, как эхо моего дворца.

Сенат простёрт подобно жалкой гниде,
весь обращённый в зрение и слух...
Лишь дерзостный сплетатель слов Овидий
смущает государственный мой дух.

Колеблет он не струны, а святыни
латинских нравов, в помыслах не чист,
и потому повелеваю ныне
отправиться ему на дикий Истр.

Через пространство, равное заглушке,
земле Ромула не опасен он.
Метаморфозы?.. Пусть он станет Пушкин,
но сотрясает чуждый Риму трон!» –

так Август рёк, сворачивая свиток...
Поэту – путь на утлом корабле
и лёд вина, и скорбь душевных пыток,
и тишины безотзывной избыток...
Но после – эхо, да по всей Земле!

КАЗНЬ ПУГАЧЁВА

Нынче праздник у честного народа,
у московского града святого –
превратят самозванца в уroda,
четвертуют Емельку Пугачёва.

Гольтьба растарацила зенки,
жала гордости и мести упрятав:
не видали почитай что со Стеньки
такого удалого хвата!

– Вон везут, под стволами в тулупе!

– Малоросл при сухощавости смуглой.

– Только взгляд исподлобочный крупен –
так и жгут эти карие угли!

– Попалил благородные храмы,
подушил дворянских детишек,
а теперь примет муки и сраму
за все подлости дворовых людишек,
за все зверства башкир некрещёных,
за бунтовские яйцкие силы...

– Глянь, как грифы, графья на балконах
когтями вцепились в перилы!

– И купчины поглаживают брюхи,
выставили бороды шишами:
слава Бибикову, избежали прорухи,
не достались босоте с барышами!

– Эх, смотри на помост как восходит!

– Возлетает! Хотя и без крыльев.

– А за ним что за бледный колодник?

- То дружок его любимый, Перфильев.
- Манифест-то читают манером.
- Эх, мудра государыня! Слышим!
- Глянь, Пугач крест творит старовером.
- А Перфильев затрусил – неподвижен.

Иерей краток был, но заботлив.
Совершая обряд свой точёный:
что же делать, проказлив и скотлив,
но умрёт, как и все, неотлучённый.
За грехи пусть ответит перед Богом...
Да и кто здесь на погибель не грешен?
Кто жалеет так сирых и убогих,
как тот, кто четвертован иль повешен?

Поклонился Емелька низкоглаво,
прорычал, аки лев, над толпою:
«Ты прости меня, народ православный,
если в чём я согрубил пред тобою!»

Как медведи, два страшенные ката
рвали надвое белый тулупчик,
к эшафоту пригибали горбато:
слишком прямо ты хаживал, голубчик!
Ну, а третий топориком тюкнул –
хорошенько знал кровавое дело –
и ручищей-то поддёрнул, как крюком, –
голова над толпой возлетела
прочь от тела, но та же всё ликом,
рот раскрыла, словно клюв хищный кочет.

В голытьбе кто-то радостно крикнул:
«Глянь, Пугач-то и мёртвый хохочет!»

А с балкона: «В голытьбе – всяк подонок!
Как пред Панина вора предстали,
тот брехал: дескать, он – воронёнок,
ну а ворон по воле летает».

Те же каты, накликивая лихо,
руки-ноги Емельке рубили;
а потом четвертован был тихо
цепенелый от труса Перфильев.

Воронёнок, вор, народное семя...
Ворон прятался до времени в ночи.
Разобьёт он боярское темя!
Расклюёт он дворянские очи!

БАТЮШКОВ

О, Батюшков, ты – первые слова
вслед львиному рычанию Гавриила!
Не вынесла их блеска голова
и стала для гармонии могила.

По Вологде заснеженной шатун
в безумьи немоты и одичанья,
ты и теперь остался слишком юн
для русского сурового сознанья.

Как будто бы не двести с лишним лет
прошло с того горластого мгновенья,
когда не из небес раздался свет,
а из самой волны стихотворенья,

и капли слов, теряя грузный вес,
как облака, летящие сквозь стужу,
легко взнесли в святилище небес
гиперборея зябнущую душу.

КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗА

Люблю кормилицу, классическую Музу,
вibrации её гортани чистой,
когда она развяжет на затылке
метафор тяжкий узел
и волосы тончайшего смысла распустит
по торсу нагих вместительных абзацев,
чтоб волновать трагическим сопрано
наш мёртвый океан!

Вот задрожал он рябью мелких вздохов,
вот заводил боками страстных волн,
пошёл, громя валами скалы быта,
и, брызгами взметаясь в бытие,
пытается язвить кислотной солью

подлых капель

живой каррарский мрамор ног,

груди и живота.

Но, руки разводя лишь для объятий,
поёт над ним классическая Муза,
сверкая в солнце линзами сосков!..

Как замолчит, задумавшись о безднах,
мертвеет океан.

ЮРИСТ УЛЬЯНОВ

Юрист господин Ульянов
Не чтит правоту закона,
В мозгу его бродят рьяно
Амбиции Наполеона.
Ему, словно чёрту, ладан
И ладанки; в крепком теле
Взросло с атеизмом ладом
Коварство Макиавелли.

Всё снится братишка Саша
С петлёю на шее тонкой.
«Отмщение будет страшным», –
Бормочет юрист спросонок...
Всю Русь он на дыбу вздёрнет
С когортой от крови пьяных,
Упёртейший из упёртых
Юрист господин Ульянов.

ПОЭТ И СТРАНА

Попав в ГУЛАГа гиблый капканы
поэт воспел на радость палачу:
«Страна прикажет – я иудой стану,
страна велит – я ангелом взлечу!»

Но Бог сказал ему: «Дружок, не прав ты,
бряцая гимны рабьею рукой:
страна лишь сторона вселенской правды,
а правла есть иль вся, иль никакой».

Бог снял с него тюремные тенёта
и, прозревая правды круглый свет,
до стельки, до блевотины, до чёрта
пил водку, чтоб убить раба, поэт!

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ

Не зрящим зраком Рок к нам правит руки, –
под зреньем скрыты подозренья Рока;
за зреньем брезжат совести зазренья...
Бессчётны подозренья без зазрений, –
всю жизнь в подозреваемых хожу.
Подозреваем был учителями, комсоргами,
милицией, политруками, редакторами,
чиновниками, друзьями, любовницами,
духовниками, врагами...
Чтоб перечислить всех, смотри
словарь людских именованый.
Подозреваем был в презрении к астрономии,
комсомолу, уставу, коммунизму, народу, закону,
президенту, религии, верности, совести... и все
прочие существительные из лексикона.
Когда б составить мой портрет из подозрений,
сам дьявол светом ангельским б всиял!
На лыжах лжи на слалом не способный,
за что же я во лжи подозреваем?
Иль сам я – врак, иуда и подлец?
Так зреющие совести зазренья
растут во мне, в депрессии прессуя...
Как жить, когда цветы души незримы,
а люди смотрят только зрящим оком,
его питая нервом подозрений?
Вся радость жизни краткая вместилась
в те дни и ночи,
когда встречал в любви я адвокатов...

* * *

В глухом логоу, где гаснут звуки
листвы, косимой ветерком,
сплелись две чёрные гадюки
нерасплетаемым клубком.
Нежна змея порою к змею...
К змеёнышам же не нежна:
рождённых, если не сумеют
сползти, проглатывает она.

Страна зловещая моя,
и ты – такая же змея:
почуем жизнь – и сразу биться
над тем, куда бы нам укрыться
от поглотительного рта,
чтоб не пропасть во тьме утробы,
где едкой правды кислота
нас превратит в отбросы злобы.

Ползём. Скрываемся. Взрослеем,
чтоб кто-то стал любимым змеем...

* * *

На экранах воображения,
что мне в череп вложил Господь,
мрамор статуй приходит в движение,
каменеет живая плоть.

Десять лет стоптал каблуками я
от того расстанного дня,
но щелчок – её облик каменный
кривит ненависть на меня.

Не терзаюсь виной, обидами,
в заблужденьях, как в правде, горд;
просто жаль, что немало, видимо,
тех, в ком я по-уродски мёртв,

что куда ни направь движение
и живую свою судьбу,
в декодерах воображения
у иных ты давно в гробу.

ЗЕЛЁНЫЙ СНЕГ

Зелёный яркий снег на мартовском закате...
Такой живописать и Левитан не смог,
Но он в моей душе горит лет тридцать пять уж,
Зелёный яркий снег меж санных двух дорог.

Вокруг поля желты, оранжевы, багряны,
И только там, куда спешу я на ночлег,
У сизого села, как райская поляна,
Как бильярдный стол, – зелёный яркий снег.

Где зелень ты нашло, багровое светило,
Чтоб сказкой оплести привычную тропу?..
Что было в те года, давно перезабыл я, –
Зелёный яркий снег никак не разгребу.

Я видел цвет морей, тайги, степей, пустыни,
Я видел цвет небес сквозь реактивный бег,
Но ближе мне всего, оттуда и донине,
У дедова села зелёный яркий снег.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Утро. Залив под Агоем.

Пляж нынче галечно-гол:
Синее море тугое штормом бугрится за мол.

Волны трещат, как сороки,
 гальку снося в глубину,
И теплоход белобокий
 чайкой плывёт сквозь волну.

Бродит по пляжу в бездельи
 стаяка девчат и ребят...
В сердце мне хмелем и зельем
 льётся зелёный тот взгляд;

Нежность ответная грубо
 кровью стучится в виски...
И поцелуйные губы, мокрые их лепестки,

Манят стыдливой печалью
 первых девических роз
В сад, что короной венчают
 пряди взметённых волос...

Нет, ничего не проходит:
 в бездне, что льнёт к облакам,
Вечно плывёт теплоходик,
 вечна любовь к лепесткам!

* * *

Судеб ткань мотается в рулоны,
те рулоны грузятся в вагоны,
и везутся Богом на торги
жизней шёлк, сатин, половики
разного размера и расцветки,
чтоб скупали взрослые и детки...

Мне же надоело покупать,
я хотел бы сам рулоны ткать
из гремучих улиц и туманов,
из дремучей правды и обманов,
из дождя посередине дня, –
из всего, что любо для меня.

Только Бог глядит на это косо:
«Ты меня оставить хочешь с носом
и лишить возмездий барыша.
Я тебе устрою антраша!»

Господи, пребудь высокоумным:
создал тварь ты, дай создать ей утварь!»

* * *

«Мне не к лицу и не по летам»

А. Пушкин

Смерть грустна... Что ж живу на погибель:
Водку пью и вдыхаю табак?
Но виски мои трезвая выбель
Не окрасит по летам никак.

Вижу девушки взбугренный профиль
И от чресел вздымается зной, –
Грешной плоти моей мефистофель
Всё никак не поладит со мной.

Мне ссуждённая капелька Бога,
Пробегая по камню времён,
К возвращению ищет дорогу
Там, где бесов чудит легион.

Но на утре апрельского света
Всё ведёт на пустырь и на нём
Зажигает тебе первоцветы
Мать-и-мачехи жёлтым огнём,

Чтоб, глаза протерев от просонок,
Ты сказала с букетом в руке:
«Я люблю тебя, гадкий ребёнок», –
И слеза потекла по щеке.

КРОЛИК В КЛЕТКЕ

Зеницы кролика подобны океану,
в котором слёз туманные валы,
волнуясь, набегают непрестанно
на брюхо полированной скалы.
А кролик молча хрупает морковку
и под её ядрёно-рыжий хруст
глядит, как серебро слетает ловко
с пуховых одуванчиковых уст.
Скворцы летят по небу с червячками;
кузнечикипеваются в хоры;
и солнца несгораемое пламя
в плоды вплавляет сочные дары.
Туда бы!.. И, смежив свои зеницы,
локаторы ушей к спине прижав,
он дремлет и ему сквозь дрёму снится
медовый луг зелёно-вольных трав.
И, вспомнив, что почти неосязаем
у молодых крольчих густой пушок,
не слышит, как заботливый хозяин
обдирный ножик точит о брусок.

НОЧЬЮ НА ДАЧЕ

Кляксус капнул на окно
и в окне черным-темно.
Как невеста, под окном
роза пахнет... Спящий дом
лепесткам не интересен,
палисадник тоже тесен,
и струит красotka дух
вертопраху-ветру в нюх...
Тот скользнул в разрез окна:
«В меня роза влюблена.
Знаешь ты такой цветок?» –
и опять на волю скок...
Хвастунишка, шалопай,
ну, беги, лети, болтай!
Юность тем и хороша,
что распахнута душа,
что не думает пока
о невечности цветка...
Повзрослев, забьётся в угол,
где бессонница супругой,
станет кляксусом терзаться,
будет ляпсусов бояться, –
есть такая блажь в судьбе,
знаю это по себе.

* * *

Не хочу я, но память уносит
в деревеньку, которой уж нет.
Там срывала разбойница-осень
с георгинов рубиновый цвет.
Но не ими был красен тот угол, –
чистым светом отцова лица...
А потом вдруг сентябрьская вьюга
и последние святки отца.

И на следующий год одиноко
я стоял у пустынной избы
в деревеньке, что отдана Богом
на летейскую волю судьбы.
И, срываясь с дубом, доносили
листья страшные мысли корней:
«А была ли под солнцем Россия?
А любили ли Господа в ней?»

ПРЕДЗИМЬЕ НА ВОЛГЕ

Как нарисованные мелом,
на берегу ивняк с ольхой
молчат во сне оцепенелом
над гладью чёрной и глухой.
У среза берега, вдоль плёса,
сталится бритвой тонкий лёд...
Над осенью простоволосой
зима зипунная встаёт.
Ворчун норд-ост взъярит морозы,
драчун норд-вест примчит метель...
Моей души тоска и слёзы
заледенеют по апрель.

ИЗЪЯНЫ МОЕГО ВОСПИТАНИЯ

1

Обидят – сердцем заклокочешь,
хотя смятенья скроешь вид,
и в одиночестве захочешь
составить список всех обид,
чтобы взрастить для мести жало,
но через миг на ум придёт:
к себе, особенному жалость,
она для сердца – лишний гнёт.
Ведь жизнью страстной и колючей
живя жестоко и всерьёз,
я в чуткости ничуть не лучше
тех, кто обиды мне нанёс.

2

Угрюмость взрослая рыданий
не пробуждает у меня
туманной боли состраданий
и в пепле траурного дня.
Но если свет былого счастья
на миг провьётся в муке глаз,
сухая ясность соучастья
в меня нисходит, как приказ;
и многим жертвовать готовый,
чтобы вернуть глубинный свет,
иду на дело я и слово

для тех, кому и слов уж нет.
Такой изъян в себе означу
ещё к изъяну одному:
когда ребёнок рядом плачет,
мне больно так же, как ему.

В НОВЫЙ ГОД У ВОКЗАЛА

... и у вокзала, затуманив взор,
дышу на звёзды сладкой папиросой.
Вдруг хмурый, как Отечество, майор
передо мной встаёт цепным вопросом.
Навоз веков провьюнила судьба
живущего любого гражданина...
Сними, майор, грозу с тупого лба,
и ты в кабацком прошлом, как скотина,
упившись водки, смачно утыкал
в гречишный блин рыдающего рыло,
но память, снисходительный нахал,
до времени об этом позабыла...
Я пьян, но тих в любимый Новый год
и не бросаю мимо урн окурки,
так опасайся, трезвый обер-мот,
меня засунуть в камеру дежурки, —
пусть протрусит и тыща толстых лет,
я клятвы мести, точно, не нарушу:
рожусь ментом, найду тебя, поэт,
и наплюю в восторженную душу!

ГЛАС НАРОДА

Где брежневских времён пивные кружки,
гранёные бока, большие дужки, –
четыре пальца прочно входят в них, –
по кромке можно стучать воблой медной,
не заструятся трещины победно, –
о, где они?! Не вижу их в живых.

Теперь приносят хрупкие бокалы,
как будто мы – пардонистые галлы, –
чуть сжал в горсти и пиво потекло...
А если драка вспёсилась по пьянке,
что толку в лоб бить – от бокала склянки,
а лоб и не почувствовал стекло.

Или ещё подлее вводят моду:
пивко даруют в пластике народу,
пластмассой убивая весь букет
ячменных вкусов, солодовой лени
и сладких взрывопенистых мгновений...
Такое пиво – янки на обед!

Или другое извращенье вкуса:
вам вместо воблы тащат чипсы... Гнусно
от этих прохиндеющих свобод!
«Верните старые пивные кружки,
гранёные бока, большие дужки!» –
единогласно требует народ.

ЯМА ВРЕМЁН

Стаял снег и явил прошлый год
с прошлогодней засохшей листвой,
с прошлогодней затлевшей травой,
с прошлогодним ознобом болот.

Сохранил их сквалыга-мороз
для легко забывающих глаз,
лепестками сверкающих роз
подновляя сугробы и наст.

И, вернувшись в конец ноября,
мы глядим с оробелой душой,
как с утра зажигает заря
индевелый сухой травостой.

Угодившие в яму времён
и лишённые веры и сил,
торопясь на погосты идём –
подновлять лица старых могил.

* * *

А. С.

Засверкали краснеющей медью
на закате чешуйки окон...
Город тесен, как бочка для сельди,
и бесстыж, как для разума сон.
Потому мы с тобой и столкнулись
на обломе апрельского дня,
чтоб увидеть в солёности улиц,
что друг другу по боли родня.
Помнишь, вечера омут закатный
так же в окна плескал и краснел,
но кровавые язвы и пятна
я под ним в твоих чувствах прозрел.
Те, кого мы любили, с любовью
отрывая мечтой от земли,
чтоб питаться сочащейся кровью,
нас кнутами обманов секли...
Люди злы в доброте и участьи,
тайно злы, чтобы муки вершить,
ну а мы, непричастные счастью,
не умеем озлобленно жить...
Дорогая, сожги все надежды
на возможную нежность людей, —
жизнь не станет добрее, чем прежде,
в этой бочке холодных сельдей.
В мерзкой грязи сердечных подвалов
все здесь точат на ближних ножи...
Верь лишь мне в их разводке бывалой!
Верь лишь мне в их участливой лжи!

А в юности за ночь обиды
сгорали, как мусор в огне:
проснусь, и глаза неоткрыты,
а мнится, что солнце в окне.
Открою – по стёклам ненастье
лохматой водою течёт,
но в сердце из снов моих счастье
весёлой ромашкой цветёт.

Теперь просыпаюсь – и веки
боюсь с полчаса разомкнуть:
всё кажется – катятся снеги
в окошке, как мёртвая ртуть.
Открою глаза – вижу солнце,
улыбчивый трепет листа,
но в сердце, на самом на донце,
чернее, чем ночь, чернота.

Влюблённых предчувствий тревожность
не гонит быстрее за порог;
уводит в себя безнадёжность
тех правд, что не знает и Бог.
Ему ведь не надо на плечи
все вечности смерти взнести,
взжигать поминальные свечи,
пустынями смысла брести.

МОЖЕТ БЫТЬ

Гольш-апрель запах смолистым маем;
в лиловость дымки тонут берега;
всегда такая и всегда другая
течёт необъяснимая река.

Пустых равнин пологие откосы
топорщат въёж ивняк и лебеду...
Пройдут года, и я над этим плёсом
в последний раз по берегу пройду.

И, может быть, навстречу мне над Волгой,
в полдневном солнце, дымки лиловей,
вот так же проплывёт в молчаньи долгом
клин журавлей...

И, верно, я заплачу, наблюдая,
как точит и ласкает берега,
почти чужая и навек родная
зыбь времени несущая река.

2

* * *

Поезд-змея унёс меня из дома
в злой чертог столичного житья,
угнездил, как Лота средь Содома,
да на целый месяц без тебя.
Ревность мне закручивала уши
в завитки архаровых рогов, –
я не мог себя заставить слушать
всех друзей и видел в них врагов:
их слова воняли медной ложью...
Чувствовал я правду лишь одну –
щёк твоих пылающую кожу,
в твоём рту медовую слюну.
Тосковали губы, руки, плечи
и виски бессоннившая кровь...
Разделяла суетность и вечность,
как мечом, ревнивая любовь.

* * *

Скребя «жиллеттом» заросли щетины
мужчиной себя чувствует мужчина
любой – и безнадежный импотент,
и трус, и подкаблучник-постамент.

Светясь, лицо рождается из пены,
как будто Буратино из полена,
и вдохновенный блеск встаёт в глазах,
подобный блеску нимбов в образах.

Журчит воды смесительный родник
и в зеркале уж не лицо, а лик,
отмеченный высокой тенью думы, –
он требует парижского парфюма.

Под лик надет костюм, плечист и строг,
готов к нисходу элегантный бог,
который застывает вдруг пред дверью,
чтобы губам придать ухмылку зверью.

О ЧУВСТВАХ

Как сухи и костисты чувства
В знакомых, истых горожанах!
Как оплетает их искусно
Ткань настроений чужетканных!
В глаза блестят цветы рекламы,
Втекает в уши песен зелье,
Уносят их от чувств упрямо
В мечтанья денег и веселья...
И я, как тень в загробной жизни,
Во сне витаю возле сердца...
Но лишь заря в окошко брызнет,
Рассыплется моторов скерцо,
Лисой бегу по дню до цели,
Чтобы успеха добиваться...
На ветки голые апреля
Листы, как бабочки, садятся...
Но тополей душок смоляный
Не чуем в выхлопах моторов, –
Пускает дым из их кальянов
Свинцовым опиумом город.
Ему весна лишь флер весенний
На то, где взгляду слишком пусто;
В галлюцинозе настроений
Он рубит в людях корни чувства.
Вокруг всё высохшие души,
Подрытые его лопатой.
Крик улиц совести слух глушит, –
Здесь по суду лишь виноваты.

Путь вниз и вверх – ущербны оба,
Заводят жизнь в цифирь иль в пусто;
Здесь ни дворца нет, ни трущобы
Для жизни чувства.

ЖИЗНИ КРУГ

Хлеб и мясо на столе, мех и кожа на плечах,
шаг тяжёлый по земле, очи милые в очах –
и очерчен жизни круг, плен людского естества,
не разжать железных дуг даже волей божества.

А от скуки – интернет да бутылочка вина,
и другой здесь жизни нет, не предвидится она...
Впрочем, есть игра в слова –
 то в романы, то в стихи,
но слова видны едва среди яркой чепухи.

* * *

Чертог зари сгорел – и город пеплом
засыпало, зарыло в шума тишь...
Раз истине взглянуть в глаза – ослепнешь,
а слиться с ней в любви – дотла сгоришь...
Как часто в эти ночи по бульварам
в бессоннице монахом я брожу
и на скамьях обнявшиеся пары
наивными, как юность, нахожу.
Не потому ли ночь – слуга влюблённым,
чтоб скрыть всю ложь, что в лицах их живёт?..
Щерблённых лип коринфские колонны
подпёрли над бульваром мира свод...
Любовь, венчанье... А прошло два года:
развод, разъезд и новая любовь...
Не люди лгут, – в них лжёт сама природа,
в сердца им влив разымчивую кровь!
Печальный, к тридцати нам данный опыт...
А что душа?.. Душа, как не отсель,
её не прищипнуть рукой за попу,
её любвам воздушный нужен хмель.
В душе одной мечте дано окрепнуть,
взирая сквозь природные дела:
увидеть правду мира и ослепнуть,
прижаться к ней и в любви, сгореть дотла!

ЖУРНАЛИСТКА

В мире много есть странных людей,
залепивших личинами лики...
Присмотрись-ка к эфирнице сей,
мастерице молвы и интриги:
модным цветом блестит голова,
а речей её тёпленький ветер
развевает по миру слова
полуправдой украшенных сплетен.
Она вхожа в любой кабинет,
к сильным власти до чуткости льстива,
чтоб бациллами будущих бед
заражать неприметно-красиво.
Но сквозь модный парижский прикид
и в лице кинодивье-порочном
задыханьем румянца сквозит
несжигаемый жар одиночеств.
Привлеку её взгляда тоской,
примани её ласками речи
и она под твою рукой
враз расслабит модельные плечи,
позабудет уменье стравлять,
воздвигать баррикады, ухабы
и, пока сможешь ты впечатлять,
снова будет ивановской бабой.
Будет той, у кого целый день
на уме лишь любимый да дети...
Много в мире известных людей,
не собою живущих на свете.

ЭЛИТНЫЕ КЛУБЫ

Ночные элитные клубы –
собрания изящных натур:
страстны хирургически губы
и платья красны от кутюр.

Сорочки повадки гламура:
здесь ценят, что сверху блестит,
и пусть из блестящей природы
гнилая ущербность сквозит.

Стриптизом раздетые попы,
шансонных певичек свирель,
да между танцужкой и трёпом
приправленный водкой коктейль.

Но коктом сдирается глянец
духов, одеяний, словес
и пахнет засранцем засранец,
и бесом рогатится бес.

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Зной роится над асфальтом,
словно племя мошкары.
Как оплавленная смальта,
небо в стёклышках жары.
Задыхаясь и скучая,
погружая сердце в лёд,
я мороженым встречаю
полдень солнца и забот.
Через зной ползут машины,
исполинские жуки;
увядают в их кабинах
глаз нагие васильки.
Обливаясь потом года,
сквозь проклятья и дымок
деловые пешеходы
волочат опоры ног.
Я смеюсь на них японцем
из под зонтика кафе,
пусть и вскоре мне на солнце,
как на аутодафе.
Но в минуты наслаждений,
забывая Божий мир,
мы, как дети или гений,
счастья трогаем кумир.
По спине бегут мурашки
от проглоченного льда...
Невелик пломбир – да наш он,
а чужое – ерунда!

НАШ НОВЫЙ ДИРЕКТОР

Спеша на свиданье, ловил я в предместье бомбилу;
фуфыристый джип, скрежеща,

тормознул свой протектор:
в салоне – удущье духов, за баранкой – горилла.
– Как пахнет «шанелью»!

– Да это наш новый директор.
Наш новый директор берёт у хозяина вафлю;
английским владеет; всегда элегантен, как дама;
начитан, умён; будто в сперме, купается в лайфе;
но баб ненавидит, долбает мозги им упрямо.
Оно и понятно, ведь сам вроде как полубаба,
подспудная ревность, как член,

чесет толстую жопу.

Не любит чеченов и всяких исламских арабов,
зато обожает голландий и швеций Европу.

Ещё суеверен: увидит где чёрную рясу,
плюёт за плечо и ворчит про нечистую силу...

На счастье иль горе немного таких педерастов
пока что у нас, в полунищей и дикой России.

А, впрочем, молчу... Я его персональный водила,
с ментовки вождения стиль у меня агрессивный,
и прежний директор орал: «Осторожней, мудила!»,
а этот так нежно:

«Давай-ка потише, пра-а-ативный».

Горилла и вправду хамил, вылетая на встречу,
увесистым джипом пугая машин антивектор,
но, слава те Господи, Ты сохранил в этот вечер,
хоть я не ругался, как старый иль новый директор.

«Сяду на пенёк, съем пирожок».

Ф.

Наших жизней трехслойный пирог
удивляет порой диким вкусом.
Только выйдешь с утра за порог
соблазняемый мая искусом, –
сладость мыслей навевает сперва
вид красоток в моднячем уборе,
но подслушаешь вдруг их слова
и такая за сладостью горечь:
матюгально-грубы и глупы
зёрна речи в их выпечке быта!..
А потом проскользнёт среди толпы
правдолюб на ТВ знаменитый:
кинув «бентли», идёт в магазин
без экранного грима на коже
и высвечивают лампы витрин,
как лукава и мерзостна рожа!..
Муж с женой – нет ещё тридцати –
трёх детишек ведут по бульвару:
блеск в глазах – веселей не найти,
только вот одежоночки стары...
Между видом, умом и душой
всюду зрим несоответствия выдел,
словно месит опару в горшок
наших жизней свихнутый кондитер;
сумасшедше в начинку кладёт,

не взирая на ранги и лица
и полынные стебли, и мёд,
и клубнику с приправой горчицы...
Каждый здесь, как особенный кус:
то, давясь, его жрёшь, то со вкусом,
то, подлая, идёшь на союз
с убивающим вкусом биг-маком.

* * *

В пространствах слов, что говорим мы все,
давно засохли вечности ключи.
Так нет любви в холодных поцелуях,
что в гостеваньи держат москвичи.

По обычанью быта чмокнут в щёчку,
две пары фраз, улыбочка во рту –
и все за стол, чтобы укукать ночью,
залить вином речений пустоту.

Всё гуще блеск зажжённых хмелем взоров,
всё круче бред о соли бытия,
и каждый каплет в соус разговоров
прогорклым маслом собственное «я».

Вот подойди сейчас к балконной двери
да крикни: «Не могу! Мерзит вся жизнь!»,
и ведь никто не встанет, не поверит,
пока не сиганёшь с балкона вниз.

БАНКОМАТ

... я изруганный, изгнанный шёл,
Хоть и не был ни в чём виноватый.
К банкомату в кафе подошёл,
Только чёрен экран банкомата.
Стало жалко мне вдруг автомат,
Ведь судьба у него не простая,
Вспомнил я его пристальный взгляд,
Что встречал, когда деньги снимаю.
Очевидно, нам глядя в глаза,
В них читает он горе иль радость,
Но не может и слова сказать –
Тайны банка подсудная святость.
Чёрных шалей надсмертная скорбь,
Клеветы сумеречные раны,
Одиночеств запойный укор –
Много боли пред зраком экрана.
Несомненно, он хочет порой
Выдать парочку лишних банкнотов,
Да стоит за квадратной спиной
Вертухай с карабином пин-кода.
Вот и копит всю жалость в себе,
В нежных чипах, и, поздно иль рано,
Занеможет в душевной борьбе,
В кому впав, угасает экраном.
Приведёт инженера кассир,
Тот заменит insultные платы...
Ох, жесток человеческий мир
К электронной душе банкомата!

ГОРОДСКОЙ МУРАВЕЙ

Жизнь городского муравья
среди корья, среди травья,
среди листвы пылезащитной
невидима и безобидна.
Он что-то ищет и несёт;
бывает, в парках тлю пасёт,
но сладость паски пахнет крахом —
приходит хмырь и резким взмахом
древодробительной пилы
роняет пастбища стволы...
Спокойней вовсе затаиться,
с землёй, с корой в движеньи слиться,
пока вольготно на дворе,
и в короедовой норе
передремать морозный чад,
вдыхая мудрость в муравчат.

ЛЖИВЫЕ СВИДАНИЯ

Живут за глянцем тонкого экрана
Твоё лицо, в кудряшках голова,
И губы через сотни вёрст пространно
О грусти шепчут льстящие слова...

Мы в мир вошли, где дольше нет разлуки,
Чем время на посадку и на взлёт,
Не надо пожимать при встрече руки,
Не надо ждать, когда состав придёт.

Но будь я и на тридцать лет моложе,
Не укротил бы ревность лестью слов,
Не прикасаясь к твоей жадной коже,
Не чуя запах розовых духов!..

Экран погаснет, шёпотом проклятий
Вновь разражусь на козни жития
За лживое свиданье без объятий,
За то, что ты опять не вся моя.

* * *

Экран компьютера опасен:
секретки ФСБ гласят –
ночами из него вылазит
порой реальной смерти взгляд.
Растр вздрогнет, словно сетка в лузе,
и взгляд свинцовый, пулевой
стреляет в лоб – и бьётся юзер
о клавишу мёртвой головой.
И через форточку уходит
душа дымком в ночную твердь,
и с диска жёсткого уводит
через модем всю память смерть,
потом шнуру придаст запальность,
обдует комнату огнём...
Реальна мира виртуальность,
несознаваемая в нём!

ПСИХЕЯ

В камни букв каблучками цокая,
листья клёнов ладонью трогая,
в серость камня плащом белея,
городская идёт Психея.

Там, где улицы вкривь гоголятся
и армада летит по улицам,
вся стальна и непобедима,
эта девочка плохо зрима.

Эта девочка, эта ласточка,
ширпотребовской ручки пасточка,
записнушки мятой страница,
видом – женщина, нравом – птица.

Как мне ясно её увидеть,
чтобы грубостью не обидеть?

ШВЕЯ

«... ворожея – жея – эя...», –
и гаснет эхо в закоулках.
Но ночь сшивает, как швея,
строча иглой машинки гулкой,
иглой дождя, минувший день
с днём, обещающим светиться.
И капель тюлевая тень
ползёт в домах по спящим лицам.

ПРО ЛЮБОВЬ

Когда б из эрогенных зон
любовь точилась,
то человечество, продвинутое в сексе
свершеньем сексуальных революций,
лет сорок бы уж плавало в любви,
предпочитая давку автобусов совковых
просторности автомобилей личных...
Но подлая
течёт неведомо откуда!

СНЫ ПРОДАВЦОВ

Что снится продавцам ночным палаток,
Когда в безлюдных улицах рассвет,
Желтея, тает кукурузной ватой
И никому не надо сигарет?

Под запах кофе, чая, шоколада
Их оплетают сны роскошных стран,
Где грузно виснут гроздья винограда
И пенным дивом плещет океан...

О, как им грустно, дико просыпаться
На пьяный звон в закрытое окно,
Стучать на кассе, сонно улыбаться
И подавать печенье и вино!

Уйдут пропойцы. Жёлтая прохлада
Вползёт в ларёк, вслезится по лицу...
Недоданная плитка шоколада
Покажется вдруг горькой продавцу.

* * *

Здесь каждый тебя может по щеке
ударить , будто в корне мы – не братья...
Но посмотри, как братски в высоте
нам свет небес распахивает объятия!
Не потому ль и с Нилом голубым,
и с дымчатой вершиной Арарата
я чувствующей памятью родним
о предках, там скитавшихся когда-то?

Тех местностей, с которыми родство
я ощущаю, думая от предках,
от Кении до белых Соловков
немало... Словно пальмовые ветки,
из одного ствола все племена
в позёмное расширились пространство,
и там, где крови пролили сполна,
уверились на время в постоянство...

Грядёт переселение племён,
смешение кровей и синтез расы!
Чудён потомок мой и, может, он
в Отечество возьмёт ландшафты Марса.
Но если глянет в сердца глубину,
чтобы найти для доброты опоры,
увидит он и эту вот луну,
глядящую на Воробьёвы горы.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ОСТАНКИНСКОМ ДВОРЦЕ

Умный гид нас водил не спеша
анфиладой сверкающих зал.
Раскалялась в картинах душа,
холодела в морозе зеркал...
Иней света в останкинский зал
зеркала порошок со стены...
Если б память была у зеркал,
разве б стали они холодны?
Разве б в них не дымилось тепло
промелькнувших породистых лиц?
Разве б время песком утекло
в решето летописных страниц?..
Если б память имела вода,
разве б на галилейской волне
не сиял отпечаток следа
ярче стали в кузнечном огне?..
Если б память имело вино,
разве б Лик, что любил и алкал,
не ложился на каждое дно
в осушённый пред смертью бокал?..
Но мертва зазеркалий тщета,
амнезийны вода и вино,
и хранит лишь души немота
всё, что было да сплыло давно.

В МОСКОВСКОМ МУЗЕЕ ПЫТОК

Инструментов палаческих умность
представляет угрюмый музей.

Если хочешь о прошлом подумать,
заходи; размышляя, глазами
спецнаборы крюков и иголок,
костоломных клещей и щипцов...

Путь дознанья жесток был и долог
и для пращуров, и для отцов.

Если тело и душу тиранят
палачи и судьбинная твердь,
от ожогов и хруста страданий
нить спасенья – мгновенная смерть.

Мы уж тем, что взрослые, виноваты,
прикасаясь то зла, то добра,
но цикутная чаша Сократа
слаще мёда на дыбе Петра.

Не нашлось не склепавших поклёпа
на друзей, завывая на ней;
например, слабо в адские тропы
верил царский сынок Алексей.

В ОСЕННЕЙ МОСКВЕ

Где розовая смерть и чёрные улыбки,
Октябрьский город хмур, как заспанный портье;
Играет нудно дождь на темнострунной скрипке
И пьяные дубы швыряют канотье...
Россия – мать тоски (как Англия – дочь сплина),
Останкинской иглой щекочущая высь.
Так тормозни такси, беспутную машину,
И, «зеленю» соря, по городу крутись.
Столичные бистро – тошнильные опойки;
Зализанный Арбат, распятый на столбах...
Взошёл капитализм на туках «перестройки»;
Москва – в поводырях, Россия – на бобах...
Где в «Лире» пил вино запойный полугений,
Жуёт тмутаракань заёмный бутерброд.
Уткнись в фасад Кремля и ты увидишь: Ленин
Рисует под стеклом всех джокеров колод...
Россия – мать тоски, как Англия – дочь сплина,
Не важно, кто брынцал на золоте надежд:
Чиновное перо давно проткнуло спины
И фигами торчит из дьяковских одежд.
История страны – история ошибки...
Так выпьем же, таксист, дремучего вина
За розовую смерть, за чёрные улыбки,
За то, чтобы ГАИ не знало ни хрена!

КАРТИНКИ

1. Свидание

По дохлому скверу ходила мегера,
топтала листвы грязно-жёлтую серу.

Но вот с опозданием бежит на свиданье
румяный чертяк в свитерочке бараньем.

Мегера застыла, лицо заменила
и стала русалкой, смеющейся мило.

Чертяк страстно квохчет,
раздувшись, как кочет...
Что толку! Она все равно защекочет!

2. Два шкафа

Два шкафа вышли на прогулку,
идут рядком по переулку,
весь занимая тротуар,
распространяя винный пар.

Пусть в антресолях лишь труха,
вольготно дышат потроха,
а в колыханьи потрохов –
ни благодати, ни грехов.

3. Мэрия

У городского головы
на голове полно листвы.
Во всех присутственных местах
встречаешь служащих в листах.

А если б у главы была
на голове к игле игла,
то вместо лиственных телес
встречал бы всюду хвойный лес.

4. Метаморфоза

Административный коридор.
Двери, нацепившие таблички.
За дверями розовые птички
щебетно разносят разговор.

В пение их нежное влюблённый
захожу с улыбкой проливной.
Что такое?.. Молча предо мной
восседают хмурые вороны!

* * *

Деньги нужны богатым,
детям – сахара сладость,
выборы – депутатам,
а бюрократам – власть,
муже – чтоб было больно,
ночной дороге – луна,
ну а поэту – вольность
тёплая, как жена.

3

ВСТРЕЧА

Утомлённый дрожаньем вагонным
я спешил к тебе на вокзале.
Вдруг в верченьи толпы перронной
мы друг друга нашли глазами.
Провела по грудям кулачками,
засмеялась и покраснела,
обцепила мне шею руками
и прижалась душой и телом...
Как люблю я тебя при встрече!
В щёку мне бьёт височная жилка,
чуть подрагивают твои плечи
и ромашкой пахнет с затылка.
Мы не слышим бучи вокзальной,
нам молчанье красней, чем речи,
и шанелевый запах спальнй...
Как люблю я такие встречи!
И сначала стыдливы руки,
словно юности в них мгновенность...
Если б не было ввек разлуки,
разве б понял твою я ценность?
Через минуту прольёмся в речи,
всё расскажем, что приключилось...
Если б не было этой встречи,
разве б верил я в Божью милость?

ВЗГЛЯД НА УЛИЦУ ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ ДНЕВНИКОВ КАФКИ

Только радио гимн отыграет,
только дворник метлой отшуршит,
наша улица сразу являет
недовольства законченный вид.
Пешеход плотно ногу поставит,
место прочной опоры найдёт
и тотчас же в сердечной растраве
вновь себя от него оттолкнёт.
Светофор то построит машины,
то прикажет им стадно бежать
и срывается, комкая шины,
недовольно урчащая рать.
Словно каждый здесь завистью болен,
каждый носит под сердцем иглу...
Лишь безногий бродяга доволен,
целый день он торчит на углу.

Скукой-сукой душа оценилась,
беспородным вертлявым щенком,
что в надежде на мамину милость
прилепился под левым соском.
Греет тельцем мне сердце и руку,
холодимуую осени льдом,
как иду я выгуливать скуку
под слепым морозящим дождём.

Город рухнул в ноябрь, словно в яму;
люди сушат платками носы;
и с утра богомолки у храма
поджидают бездомные псы,
чтобы чёрствого хлеба покушать,
для голодных – надежды на жизнь...
Скука-сука сосёт мою душу:
мир неправеден, грязен во лжи.

Все богатые совестью грубы,
бедняки примирились с судьбой...
А у скуки уж режутся зубы,
щиплет сердце кровавая боль.
Безрассудны надежды на милость –
скоро взвоёт зима, как оса...
Скукой-сукой душа оцунилась,
жалким клоном бездомного пса.

ЗДЕСЬ

1

Если ночью в петле переулка
или там, где подъезда порог,
остановят угрюмые урки
и прикажут отдать кошелёк,
не кричи – здесь никто не поможет:
проглянувший на крик твой в окно
тут же крысой скользнёт в своё ложе
и прикинется спящим давно;
вынь, отдай, ведь иначе – покойник,
есть у урок перо и кастет,
или сам ухмыльнись, как разбойник,
из кармана достань пистолет...
Здесь все люди живут бирюками,
даже те, кто по ЗАГСу семья,
и сбиваются в стаи волками,
если дремлет мотор патруля.

2

Когда ты выйдешь в ночь из дома,
что тушит окна над рекою,
на русский мир, до слёз знакомый,
взгляни с безжалостной тоскою.

Отметь, что осень над долиной
раскрыла звёзд морозных очи,

но нет среди них звезды, единой
светящейся в любые ночи.

Здесь не взойдёт звезда Свободы
и не рассеет сон всегдашний
в толпах редющих народа,
что бросил пажити и пашни.

Они живут в мечтах о пире,
к бессмертию не ищут броды,
за сытость в собственной квартире
продав раздольности свободы.

В хмелю их песен и веселья
зияет дыркой безнадёга,
они не верят в воскресенье
отцами преданного Бога.

Забывшей чести одичанье
рождает в них к цепям терпенье;
рабы закона умолчанья —
они достойны побиенья.

Тельцовым золотом красивы
их храмы, дьявола одесну...
Предав Небесную Россию,
они в земную сходят бездну.

* * *

Где жил я до того, как на землю родиться?
Не помню я подробности тех мест,
Лишь помню, что вокруг летали птицы,
Внизу – трава, а сверху – звёздный крест.
То облако таранил я со взлёта,
То на петле цеплял хвосты травы,
И острым счастьем быстрого полёта
Сердечко ныло в ветре синевы.

Мне в детстве тот полёт так часто снился
И грустью штриховал все лики дня,
Как будто я на землю не родился.
Но схоронили в этот мир меня.
Сюда, где мы сквозь дни ползём, как слизни,
Страшась в сердца друг другу посмотреть,
Считая смертью крест высокой жизни
И славя жизнь, которая есть смерть.

АПРЕЛЬ НА ВОЛГЕ

От ящеров зелёно-жёлтых,
последних льдин, мутна вода;
и солнце, дымкою изжёванное,
блестит под цвет воды и льда;
и если б катер здесь не ставил
бокалы бакенов на мель,
то можно б запросто представить
доисторический апрель.
Напротив – берег грязно-бурый
в ручьях берёзовых стволов
наброшен мамонтовой шкурой
на мышцы земляных валов,
и над волнистым горизонтом,
взрывая бивнем облака,
ревёт скалистым мастодонтом
бесптичья рыжая тоска...
Но катер бакены роняет,
как знаки собственной судьбы,
и это смыслом наполняет
холмов приплюснутые лбы,
стволы и плоскостные воды.
А облака... Что облака?
Нам как подкидыш ледохода
на душу – зверская тоска!

КОНИ

Вибрация листвы в тумане ночи
Рождает звук, то длинше, то короче,
Но наше ухо слышит ровный шум,
Вплетающийся в писк мышинных дум.
Сидишь деревенело на балконе
И думаешь: как спят в деревне кони?
Должно быть, стоя... Кони, стоя, спят
И не сопят при этом, не храпят.

Как сон коней влияет на погоду?
Об этом поразмыслить бы народу!
Коней всё меньше – климат всё подлей:
То сушь на месяц, то наплыв дождей...
А Млечный путь косматой конской гривой
Взметаётся лирически на диво!
Не кобылица ль древняя Земля?..
Об этом знают рожь и тополя.

Вибрация листвы к утру стихает;
Туман, приникнув к почве, усыхает,
Как взбитых сливок кислый перестой, –
Пора и спать, укрывшись за стеной,
Сопеть, под щёку подложив ладони,
Чтоб снилось, как по всей России кони,
Направив взгляды, точно пистолет,
Встречают стоя пасмурный рассвет.

* * *

На последние деньги куплю себе жёсткий билет
и в бессонном вагоне уеду в лазоревый край,
где овчинные волны пасёт хворостиной рассвет
и дремучие скалы пекут тишины каравай.

На желтеющем пляже раскинусь
беспечным «бичом»,
буду хлеб воровать, буду пить молодое вино
и подельникам-уркам за ним не скажу ни о чём,
лишь скажу, что забыл своё имя и годы давно.

Назовут меня Ванькой... Ну что же, Иван так Иван,
безымянное имя, высокая царская спесь...
И когда в мокром небе увижу гусей караван,
я не вспомню ничуть, чем я жил, что оставил я здесь.

Ну а ты открывай по ночам молодые глаза
и, накинув халат, вопрошай до рассвета окно:
может нынче иль завтра вернётся он, подлый, назад,
а быть может, уже не вернётся и умер давно?

Но когда и умру, все равно для тебя не умру:
буду где-то бродить по кругам бесконечной земли,
буду ястребом в небе и дятлом в сосновом бору,
буду ящеркой в солнце и ветром в цветочной пыли...

Безымянное имя, высокая царская спесь,
ендова круговая тяжёлых похмельных медов...
Я не вспомню ничуть,
чем я жил, что оставил я здесь,
я не вспомню вовек, потому что забыть не готов!

ТАМ

Мы не были там, где хотели.
Мы не были Там никогда.
Ну, может быть, только в постели.
Однажды... Порою... Всегда!
В ресницах потеряны лица,
Сознания оборвана нить.
И тело сумело забыться,
Чтоб просто светиться и быть.
Путь жизни вместился в мгновенье,
Которое вечно вдали...
И тягостно нам возвращенье
На жалкое ложе земли,
Ведь ноет, болтает в пресердья,
Что вышла в постели твоей
И репетиция смерти,
И то, что приходит за ней...
Но, губы целуя друг другу,
И плечи целуя, и грудь,
Объятые сведённую руку
В бессмертье нельзя протянуть.

* * *

Какие дни – души не чувствую
в длиннотах тела своего!
Одним умом упорным буйствую,
чтоб верить в смысла торжество.

Но в дыме мысли выгорающей,
хотя я сам и не хотел,
все дни становятся игралищем
бесцветных и порочных дел.

Что хочешь – сходу получается,
да нет в нём смысла ни шиша...
И неизвестно, где скитается
тысячеглазая душа.

НОЧНАЯ МОЛИТВА

Наложу на уста печать
не сургучную, а предвечную;
повели словам замолчать,
словно вареву или печеву!

Гуд в душе скоро скрутит в жгут,
не останется и кровиночки.
Уложи руки в крест на грудь,
я не знаю, что делать иначе!

За окном замерзает ночь,
звёзды – рыбами, листья – глыбами;
этих льдов мне не превозмочь
по вощёной дощечке скрибами.

Этой тьмы не перекричать
даже в голос один с Предтечею...
Наложу на уста печать,
если больше открыть мне нечего!

Желанье двигаться на улицу ведёт
Бродить, отдёргнув мая синий полог,
Хоть замечаю, и не первый год,
Что город мой особо мне не дорог.
Чем ближе к смерти, тем дешевле жизнь,
В которую, как в перья, утопаешь:
Знакомцев лица честные во лжи –
Всё, что соврут, заранее ты знаешь;
В чешуйках почек липовый бульвар;
Облезлых зданий позднее барокко;
И собственной души остывший жар,
С которым одному не одиноко...

Жизнь дешевет, верно, потому,
Что спекулянтom матерееет память:
На новый день, на новой ночи тьму,
На новый звук, что вылеплен губами
Сорит из накоплений прошлых лет,
За евро мук и доллары печалей
Приобретая правды грустный свет
И путь судьбы, таинственный в начале...
А то, что не по ценам мне купить
За мятые билетки страданья
Судьба позволит смертью оплатить,
Наследным вкладом в банке мирозданья.

ПРЕДНОВОГОДНЕЕ

Как будто бы живу, как будто бы люблю
в окошке синеву и хвойный куст в углу,
гирлянды огоньков на ёлочных ветвях
и в тиканьи часов секундной стрелки мах.

Но вовсе не живу, но вовсе не люблю
и новый год не жду, хоть ёлочка в углу.
Зачем мне на ковре хвоинок мёртвых сор?
Зачем мне на дворе кладбищенский мотор?

А если б стрелки вспять будильник обратил,
о, как бы я опять бездумно, страстно жил!
Я ёлку бы не стал, как женщину, жалеть
и в юности свою на финке встретил смерть.

МОЛОТ

Из лопнувших сосудов теплотрассы,
точа снежок, течёт вода с теплом;
спецы с обличьем азиатской расы
дробят асфальт отбойным молотком.
В лёд вмёрзли на обочинах машины,
а над ключом клубится в дым мороз;
чиновник в полушубочке картинном,
из джипа выйдя, в шарф упрятал нос...
Придём домой – в квартирах лютый холод
на целый день, а, может, и на два...
Гремит, гремит отбойный громкий молот,
глуша прохожих злобные слова...
Чиновник прыгнул в джип и, взыв в мотором,
умчался прочь, в счастливое Туда;
ему до фени наши разговоры,
в которых нет ни воли, ни стыда!
Он будет вновь витийствовать пространно
с трибун о тёплом будущем в цветах,
а мы – терпеть мороз его обманов,
обманывая на своих местах...
Мир русских душ до косточки размолот
и брошен фаршем в корм под хищный герб...
Но близок день – взгремит небесный молот
и в длань Господь возьмёт на жатву серп!

ТУБЕРКУЛЁЗ

Памяти В. П.

1

В город, заплывший салом
Тусклых снегов и льда,
Высохший и усталый
Я выхожу иногда.
Нудно скрипят ботинки
Осыпью января;
Вечность в белой косынке
Смотрит с календаря...
Хлеба куплю и чая,
Выкашляв грудь в платки,
Словно не замечая
Взглядов косых пинки.
Высохший и одинокий,
Выживший жизнь свою,
Думаю я о Боге,
Встреченной на краю.
Розы туберкулёза
Колют шипами грудь...
Если бы под берёзой
Ласковой прикорнуть!
Но ведь поднимут, гады,
И увезут болеть,
Будто мне что-то надо,
Кроме как умереть.

2

Бабочка света пред сумрачным Спасом,
С жёлтыми крыльями, с угольным глазом,
Долго ль ты будешь над синей лампадкой
Радовать взгляд мой воздушной повадкой?

Белой черёмухой, ледяной капелью
Чиститься мир во Страстную неделю;
Ну а в меня, чтобы жизнь не угасла,
Кто-то сочит благолепное масло.

Жёстко и тесно в постели предвечной, –
Манят просторы, да жизнь-то конечна,
И в ожидании рубленой плахи
Мучат меня потаённые страхи.

Смотрят небесные строгие очи
В самое сердце сквозь долгие ночи;
Плачу о днях, что потеряны где-то;
Ты только радуешь, бабочка света.

Так вот, наверно, с тобой и угасну,
Кончится в нас благолепное масло.
Жил без надежды и умер без ласки,
Мимо прошли Его красные Пасхи.

3

Возвращенье – вращенье событий
В исполинской юле бытия.

Жёлтой осени липкие нити
Облепили леса и поля;
Снова затканы в эти тенёта
Челноком палача-паука
И игольные листья осота,
И виольные листья дубка.
Упиваясь зелёною кровью,
Иссушая цветущую плоть,
Тварь ползёт к моему изголовью,
Чтобы веру мою побороть.
Он скрывает с наивностью прозы,
Что на самой оси бытия
Лепестки не осыпали розы
И всюю зеленеют поля.
Потому, напрягая колени,
Разрывая хрипящую грудь,
Я плюю в его лживые зенки,
Ничего не желая вернуть.

ПЕРСТЕНЬ

Рубин в оправе бледно-золотой
на чёрном бархате сверкает мёрзлой кровью.
Какой-нибудь повеса молодой
одарит им пришедшую с любовью.

И заблестит на пальчике рубин,
притягивая суетные взгляды,
холодной густотой своих глубин,
пропитанных угрюмой тайной яда.

И кто-то вспомнит так, как я сейчас,
ту, что его мечтательно любила,
что приняла, не опуская глаз,
тяжёлый перстень с гранями рубина.

Но где тот перстень? Где та красота?..
Один ушёл в ломбард, другая – в нети.
И только в небе крови густота
пугает на закате и рассвете.

* * *

Иду я улицей по следу
Толпы, скрипящей сапогами.
В троллейбусе стеснённо еду,
Углы локтей прямя боками.

Зима в сугробные оковы
Вковала город вьюгой белой...
Я – человек, я – Божье слово,
Впечатанное в глину тела.

В цепях метельного рассвета
Я так нас, смертных, понимаю:
Мы – не кувшины, а планеты,
Где вёсны почки раскрывают,

И если бы всегда друг к другу
Терпимы были, не суровы,
Нас не страшила б жизни туга
И полюс смерти ледниковый...

Но в мире, что для сердца труден,
Безумен для ума отчасти,
Опасней нет любви, чем к людям
С их затаённой магмой страсти.

В ТО ЛЕТО

В то лето телом чаще жил в лесах
над россыпью черники и брусники,
где комаров писклявы голоса,
а воронов угрюмо-хриплы крики.
Со мною рядом девочка была
семи неполных лет, почти малютка;
она весь день улыбками цвела,
хотя лесных гадюк боялась жутко.
А я смотреть на этих змей любил
за по подстилке лёгкое скольжение,
за цепкий взгляд, что в мозг змеи цедил
кустов и мхов любое тормошенье,
за гибкость их достоинства, когда
они, увидев в нас врагов воочью,
без спешки, не оставив и следа,
как свёрла, пробуравливались в кочки...
То лето оплело наш быт и кров
суровой паутиной обнищанья,
и только сборы ягод и грибов
нам обещали крохи пропитанья...
Почём, кому те сборы продавал,
я позабыл уже на самом деле,
как и не помню, что я покупал,
чтоб мы втроем чуть-чуть хоть что-то ели.
Лишь помню, как потом судьба-змея
злой зуб всадила в нас с убойной силой...
Где девочка, с тех пор не знаю я,
а мать её присыпана могилой...

В протоптанную в прошлом колею
я не хотел бы вновь вступить ногами,
но всё-таки люблю судьбу мою
за то, что с детства стали мы врагами,
за то, что приучил свой взгляд ловить
вокруг себя всю вязь её движений,
за то, что я готов совсем не жить,
чем сыто жить, но в клетке унижений.

НОЧЬ В ПОЛЕ

Прижимаясь небритой щекой
к убитой бурей берёзе,
я лежал на земле травяной,
положив голову на бестрепетный ствол;
ночь водой колыхалась,
и мальками блестящие звёзды
к горизонту тянулись,
губами пощипывая дол.
Спину мне грел костёр,
мой последний заветный товарищ;
ниже ног по дороге, вздыхая, брела пустота...
А лицо холодело...
Я пришёл умереть в это поле,
все земные любви разбазарив, –
не проснуться утром у пепелища костра...
Только сон не настал:
дрожь сырая глумилась над телом
и меня заставляла кормить берёзой костёр...
До рассвета берёза мёртвая горела...
И настал заря,
и я вслед пустоте по дороге пошёл.
На полях пластались полки золотого тумана,
над туманом чернели рядами форты деревень...
Вот иду до сих пор,
опалив берестой духа гнойные раны,
и не вижу ночей –
звёзды выросли в мысль освещающий день.
А когда б не земля травяная,

не горячее тело берёзы,
нет просёлок, лаптями из липы
протоптанный сквозь века,
разве смог бы я жить среди тех,
кому дешёвы слёзы?
Разве б крестным знаменем лоб
осеняла рука?..

Я – дитя твой, природа,
творимая мыслью Творца!
Ну, и пасынок битый народа,
что всегда недостоин Отца.

«ДЕКАБРИСТ»

Под вихляющей вьюги отточенный свист
В декабре на окошке расцвёл «декабрист».

Ясно-красный цветок кротко смотрит в метель
И на сердце – июнь, а под сердцем – апрель.

О какая ж ты малость, всей жизни итог:
Шелестящая книга, ребёнок, цветок!

* * *

Не избу, не лужайку со стогом,
Не Арбат и не стены Кремля, –
Нежность, в души лучимую Богом,
Ощущаю как Родину я.

Рушит время привычный мне город,
Вкруг него – лебеда, не хлеба,
И над русским гордынным простором
Орлий клёкот чужого герба.

Даже небо созвездья иначит,
Был иным их узор над страной,
Но пока я от нежности плачу,
Та же Родина всюду со мной.

Всё, что слёз потаённые крохи
Освещают с распахнутых век,
Мне становится в творческом вдохе
Дорогим и родимым навек.

Потому сквозь судьбины мятежность,
Уносящей в забвенье быльё,
Нежно верую в Божию нежность
И люблю отраженья её.

Поэма

КОМПЛЕКС МЕДЕИ

Поэма

«Даже имя твоё мне презренно».

А. Блок

1

Черноморский густеющий вечер
сыпал искры из звёздной горсти.
Одинокая шла мне навстречу...
Кто толкнул меня к ней подойти?

За окраиной старой Анапы
у обрыва чернели кресты,
и знобящего сумрака лапы
прикасались её красоты.

Липко-вкрадчивый голос Медеи,
в шёлке платья – синильная лесь,

гибких рук смуглокожие змеи...
Обними! Полюби! Обневесть!

Позабудь своё царское право,
есть для сердца другое вино.
Обесславь своих родичей славу
за любви золотой руно!

От магнолий Кавказского склона,
как «Арго», унесёт нас состав...
Я клянусь, что бесстыдством Ясона
не замажу свой влюбчивый нрав.

2

... и в ночь дремучую, как тайна,
опутав кос медовой тьмой,
взнесла ты так необычайно,
что страшно стало мне с тобой:

чем выше страсти воскрыленье
и ярче тела нагота,
тем унижительней паденье
им предрекает высота.

С зенита нет дороги выше, –
лишь путь к закату, путь к концу...
Молюсь, чтоб клятвы Бог услышал,
и ложь была нас не к лицу.

3

Сбежав из отцовского дома
в любовное нищенство, ты
в квартирке моей полудрёмной
смуглеешь огнём красоты...
Когда бы судьба без заботы
мне деньги ссудила на пир,
я бросил бы дали работы, –
с тобой мне не нужен весь мир.
Мне смены с коллегами длинны,
а время с тобой, словно час...
Роди нам любимого сына,
чтоб крепче он связывал нас!..
Наш город давно предал братство,
в богатство влюбившись в нужде;
здесь всюду соблазны богатства,
обманы богатства везде.
Здесь банки на нищих возрастают,
здесь судьи способны убить,
здесь даже любовь покупают,
когда не умеют любить.

4

Когда идём по улице мы рядом,
шаги дробя,
я чувствую, как раздевают взглядом
дельцы тебя.
Блеск из-за дымевых стёкол «мерседесов»
или «тойот»

из под бровей, и чёрных, и белесых,
мне лютость жжёт.
Мне ненавистны их самцовы морды,
зрачковый гной
и подлая моя мужская гордость –
она со мной!..
Вплела в твою фигуру рода древность
Киприды сласть,
и я несу в лице оскалом гневность,
чтоб сбить их страсть.
Как нежность сочетается со злостью,
понять нельзя...
Но не люблю тебя водить и в гости –
слабы друзья.

5

Наклоняясь над детской кроваткой,
освящённой безвинным мальцом,
ты роняешь волос своих прядку
на моё в моём детстве лицо.

Я скрываю – не знают и стены –
радость крови, что плод наших тел
чернокосые южные гены
русовласьем моим одолел.

Но сквозь радость печалью тревожит
мысль, которую трудно понять:

отчего так бела его кожа,
как на ней твоя чёрная прядь?

Словно в ночь задождевшую юга,
что, как сон подземелий, темна,
занеслась приполярная вьюга,
чтоб растаять во мраке без дна.

6

Лукаво-гордую породу
тебе дала кровей судьба;
алмаз в себе, ты вся – свобода,
меня ты любишь как раба.

Со мной в разлуке на подмостках
таких больших и людных дней,
какую роль в тусовках пёстрых
играешь в вольности своей?

Но чую: рвутся клятв подруги
в мне неизвестных играх дня;
соблазном новые подруги
тебя уводят от меня.

Завистна им твоя свобода
и властность силы в красоте...
Но ты?!.. Всего четыре года
дала мне жить в моей мечте?!

7

Предчувствий тревожные зыби,
увы, не солгали душе;
сказала ты с холодом рыбьим:
«Нам надо расстаться уже.
Я царственность жизни не кину
под бедность и ревность твою;
в оплату возьму себе сына:
его и другого люблю.
Другие мне губы заняты,
иной, им сверкающий кров...
А клятвы?.. Беспочвенны клятвы,
давно в мире нету богов!»

8

Я кричал... Только что тебе ярость
твоего до мизинца раба,
ведь всевластным неведома жалость,
а колдуньям покорна судьба.

Собралась, улетела, как ветер...
И прозрел я обманы мои:
не Меду колхидскую встретил,
а царицу грузинской земли.

Жизни новые выверты стары,
односмысленны страсть и порок,
о погибельной башне Тамары
всё клокочет Дарьяльский поток.

Под зарёй, кровенящей вершины,
как исчезнет любовная мгла,
в день уносит проклятье стремнины
истомлённых безумцев тела.

9

Влюбясь, боялся, что наскучит
её любовь в борьбе страстей,
и, право, так бы было лучше
для бедной совести моей.

А нынче совесть адским Змием
удушена за страсти честь,
и злоба чёрная Медеи
вползает в ум, готова месть.

Не помогают страхи гроба
мне змийность мыслей отвратить,
коварным ядом женской злобы
мужскую честь не погубить.

Мир чувств людских впадает старость,
в адамов влазит женский бес...
Верни меня, Эриний ярость,
на путь, которым шёл Орест!

10

Захлестнуть петлёй ей горло!
В сердце хищный нож вонзить!

Смыть измену! Её гордость
сатанинскую убить.

Но в руках моих дрожанье, –
развепустишь ими кровь...
Разве смерть ей наказанье
за убитую любовь?!

Слишком мягкая расплата
для умевшей всё предать –
не сверкать змеиным взглядом,
духом жизни не дышать.

Пусть ответит перед Солнцем,
пред Гекатой и Луной,
раз другому так клянётся,
как клялась, любясь со мной!

11

Ветер юные листья колышет,
травы свежие выстлались в пласт...
Я забрал из детсада сынишку:
я – отец, кто ж его мне не даст.

Белобрысый воркует мальчонка:
«Папа, я так скучал без тебя...»
И целую ему я ручонки,
больше мира и Бога любя.

Как мои, эти вырастут руки;
как моё, его будет лицо;
и такие ж терпеть ему муки,
обручальное встретив кольцо...

Не из прошлого жизни дорога, –
из грядущего брошен нам путь,
и с тропы, что протоптана роком,
только к Богу возможно свернуть.

12

– Папа, а мы погуляем?
Ой, дерево всё в цветах, как в снегу!
– Это черёмуха и пахнет она маетным маем,
а мы, милый, пойдём на реку.

– Папа, а почему мама тебя не любит?
– Потому что не все умеют любить
так, что на донце сердечной глубины
это то же самое, что и жить.

– Папа, купи мне шарики синие.
– Завтра надо купить...
В Рай попадают безвинностью сильные,
блажен, кто не успел согрешить...

13

Такая боль во мне, как будто весь
вдруг стал нарывом!

Паскудный мир! И неужели здесь
я был счастливым?

Нет! Просто был с ослом упрямством схож,
судьбу оспоря!
Любое счастье в этом мире – ложь,
морковка горя!

Не зря и золотой овцы руно
во время оно,
прославив имя, на ничтожеств дно
свело Ясона.

14

Проклинаю твоё вероломство!
Будешь жить ты, себя в нём казня:
я тебе не оставлю потомства,
что похоже точь-в-точь на меня!

Вот реки леденящей извивы...
Вот мой вызов судьбе-палачу:
в невесомость шагаю в обрыва,
сыну – в Рай, ну а я в Ад лечу!

P.S. «Сегодня в реке нашли тело пропавшего
ребёнка.» (Из теленовостей 04.05.2011)

25.05.2011 – 04.06.2011

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

1

«Где в плоть и кровь я пал душой летучей...»

Читая Гомера

Август и Овидий

Казнь Пугачёва

Батюшков

Классическая муза

Юрист Ульянов

Поэт и страна

Подозреваемый

«В глухом логоу, где гаснут звуки...»

«На экранах воображения...»

Зелёный снег

Первая любовь

«Судеб ткань мотается в рулоны...»

«Смерть грустна... Что ж живу на погибель?..»

Кролик в клетке

Ночью на даче

«Не хочу я, но память уносит...»

Предзимье на Волге

Изъяны моего воспитания

В Новый год у вокзала

Глас народа

Яма времён

«Засверкали краснеющей медью...»

«А в юности за ночь обиды...»

2

«Поезд-змей унёс меня из дома...»

«Скребя «жиллеттом» заросли щетины...»

О чувствах

Жизни круг

«Чертог зари сгорел – и город пеплом...»

Журналистка

Элитные клубы

Июльский полдень

Наш новый директор

«Наших жизней трехслойный пирог...»

«В пространствах слов. Что говорим мы все...»

Банкомат

Городской муравей

Лживые свидания

«Экран компьютера опасен...»

Психея

Швея

Про любовь

Сны продавцов

«Здесь каждый тебя может по щеке...»

Размышления в Останкинском дворце

В Московском музее пыток

В осенней Москве

Картинки

«Деньги нужны богатым...»

3

Встреча

Взгляд на улицу после чтения дневников Кафки

«Скукой-сукой душа оценилась...»

Здесь
«Где жил я до того, как на землю родиться?..»
Апрель на Волге
Кони
«На последние деньги куплю себе жёсткий билет...»
Там
«Какие дни: души не чувствую...»
Ночная молитва
«Желанье двигаться на улицу ведёт...»
Предновогоднее
Молот
Туберкулёз
Перстень
«Иду я улицей по следу...»
В то лето
Ночь в поле
«Декабрист»
«Не избу, не лужайку со стогом...»

Поэма

Комплекс Медеи. Поэма

Литературно-художественное издание

**Смирнов
Анатолий Павлович**

Здесь и Там

Стихотворения
Поэма

*Произведения публикуются
в авторской редакции*

Сдано в набор 25.04.2013. Подписано к печати
12.05.2013. Формат 70х90/32. Объем 104 страницы.
Тираж 120 экз. Бумага офсетная. Гарнитура Liberation
Serif.

Издательский дом «Печать»
150 000, г. Ярославль, ул. Свердлова, 18.
Тел. 8 (980) 705-50-35, www.idpechat.ru